

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ЖАНРА ЗАГОВОРА

1.1. История исследования жанра заговора

1.2. Жреческое сословие Древней Руси как носители наиболее древней формы заговоров

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1. Заговорно-заклинательная традиция

2.2. Структура заговоров и семантика их образов

2.3. Классификация заговоров

ВВЕДЕНИЕ

Русские заговоры... При этих словах воображение рисует таинственную и страшноватую картину: избушка на краю села, седая и косматая старушка с крючковатым носом и торчащими клыками варит в котле пахучее снадобье, а за ней, прищурившись, наблюдает черный кот... Возникают и с детства знакомые литературные образы. Тут и пушкинские "Через леса, через моря колдун несет богатыря...", и блоковские "...ведуны с ворожеями чаруют злаки на полях", и "девушка на злого друга под снегом точит лезвие", и "мутный взор колдуна". От романтизма до символизма в русской литературе, искусстве в целом, в массовом лубке колдун и знахарь, ведун и ворожея -- таинственное и всесильное, злое и опасное начало, очень редко -- доброе.

В народной жизни все скорее наоборот: на единицы колдунов, чернокнижников, знатоков черной магии в деревнях приходились десятки знахарок и сотни просто бабушек "со знанием", несущих людям исцеление, добро, иногда просто надежду на избавление от беды, болезни, неприятности, оказание "первой медицинской помощи".

Ушиб и порез, зубная боль и боль поясничная "от надсады", прилипчивая бородавка или болезненный чирей и многое другое -- на каждую из этих "обиходных" болезней, недомоганий, физических изъянов издавна имелись свои избавляющие средства, будь то травы и снадобья, действия и манипуляции и почти обязательно -- "слова", то есть заговоры. К заговорам прибегали и в тяжелых случаях, -- например, при укусах змеи, бешеной собаки, заболевании лихорадкой.

В лечебных заговорах и сопровождающих их действиях причудливо сочетаются рациональные и иррациональные моменты. Богатый опыт жизненных наблюдений и практика соединяются с фантастическими предположениями о целебных (или вредоносных) свойствах того или иного вещества.

Бесспорными были и остаются такие средства, как массаж, вправление вывихов, баня, столь ценимое в народе мастерство "править" и "ладить" детей и взрослых. Высокий профессионализм большинства деревенских повитух способствовал формированию того гармоничного физического облика, которым обладали многие поколения русских людей. Бабушка-повитуха зорко замечала и умело выправляла физические дефекты новорожденных, будь то слегка искривленная ножка или чересчур короткий носик.

Несомненная сила внушения, психологическое воздействие знахарки на пациента, что имеет прямое отношение к самим "словам", то есть заговорам, вернее, к их произношению.

Другая область применения заговоров -- человеческие отношения, личные и общественные, когда надо было отвести беду, или заставить тосковать, "присушить" или "отсушить", девицу или парня, а случилось и семейного человека "остудить", нарушить семью (недобрые люди успевали сделать это на свадьбе). Дела эти были сугубо тайными, не одобрялись, поскольку были в ведении "черной магии". По народному нравственному убеждению, ненадолго выпадало счастье разлучнику или разлучнице. И вопреки этому какие же потаенные страсти бушевали, какие потрясающие слова были найдены, чтобы обратить на себя любовь, отвести опасность, ненависть? А к каким действиям приходилось прибегать -- вырезать и растапливать след, тайно примешивать в питье пот или кровь, или смесь из сожженной шерсти кошки и собаки.

Актуальность данной работы. Заговоры являются составной частью магических действий у всех народов мира. Заговорно-заклинательная традиция .

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ЖАНРА ЗАГОВОРА

1.1 История исследования жанра заговора

Заговор - один из древнейших жанров, входящих в сферу магической практики и воплотивший в художественнообразной форме архаические представления наших предков. В самом широком смысле слова заговор - это словесная формула, имеющая магическое значение. Русские заговоры в Сибири называют часто и так: наговоры, обереги, присушки, отсухи, шептанья, слова и т.д.

Самые ранние сведения о заговорах встречаются в летописях, где упоминается о клятвах, произносившихся в X в. при заключении мирных договоров с греками. В памятниках XII-XV веков упоминаются заговоры и чары, бабы-чародейки. О массовом же распространении заговоров свидетельствуют судебные дела XVII-XVIII веков, так как знахарство жестоко преследовалось церковью и государством.

О повсеместном бытовании заговоров в XIX начала XX веков среди народа свидетельствует большое количество этнографических работ и собрания фольклорных произведений того времени: в частности, сборники "Великорусские заклинания" (1869), подготовленный Л. Майковым; "Русская народно-бытовая медицина" Г.Попова (1903); "Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр." Н.Виноградова; "Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии" (1878) П.С. Ефименко.

Широкому собиранию заговоров в этот период способствовала организация Русского Географического Общества (1847). Активная деятельность его этнографического отделения побудила краеведов России к собиранию заговоров и сведений о знахарях и их "волшебстве".

Хотя упоминания о самих текстах заговоров известны давно, первые публикации, связанные с исследованием этого жанра, появились в середине XIX века. В 1841 году вышла в свет книга И.Сахарова "Сказания русского народа". Одна из частей труда И.Сахарова была озаглавлена "Русское народное чернокнижие", в этой части автор книги рассматривал вопросы, связанные со знахарством, кудесничеством. Хотя И.Сахаров считал, что "все кудеснические заговоры есть совершенный вздор, созданный для обольщения народа", его работа была крупным явлением своего времени.

Продолжили изучение заговоров за Сахаровым В.И.Даль ("О повериях, суевериях русского народа"), Ф.И.Буслаев ("Исторические очерки русской народной словесности"), А.Н.Афанасьев "Поэтические воззрения славян на природу". Эти работы стали основой собственно научного изучения заговоров. Ф.И.Буслаев, А.Афанасьев, В.Даль в своих работах затрагивали проблемы происхождения заговора, его историческую жизнь и развитие данного жанра.

Исследование генезиса заговоров было продолжено и рассмотрено в трудах А.Н.Веселовского ("Разыскания в области русского духовного стиха"), А.А.Потебни. Теория А.Потебни, трактующая заговор "как словесное изображение пожелания через сравнение", развитая в работе "Объяснение малорусских и сродных песен", оказала воздействие на дальнейшее исследование заговора.

Огромный вклад в изучение заговора внесла монография Н.Ф.Познанского "Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул". Можно сказать, в книге Н.Познанского подведены весьма внушительные итоги работы русских и европейских ученых в области исследования заговора как жанра устного народного творчества и изложен личный подход автора книги к проблемам происхождения заговора, его развития, функционирования и т.д.

Значительна работа А.Блока "Поэзия заговоров и заклинаний". В своей статье поэт обратил внимание на удивительную лиричность и поэтичность заговора.

Итак, уже в первом десятилетии XX века исследователи заговора затронули основные вопросы изучения этого синкретического вида искусства.

После 1917 года изучению и собиранию заговоров в России уделялось значительно меньше внимания, чем они заслуживают.

В 1936 году на Всероссийской конференции по фольклору был прочитан обзорный доклад В.П.Петрова о заговорах, но, к сожалению, он не был сразу опубликован. В советское время изучению заговоров были посвящены работы А.М.Астаховой, П.Г.Богатырева, Н.И.Савушкиной, З.И.Власовой, В.Н.Топорова и другие. В трудах этих ученых особое внимание уделяется изучению поэтики заговора, его структуры, изменению этого жанра, композиции, образов. Подробную классификацию персонажей (образов), встречающихся в заговорах, представила О.А.Черепанова в статье "Типологическая и лингвистическая интерпретация некоторых элементов заговоров". Известны работы, посвященные изучению именно любовных заговоров: Ю.А.Киселевой "О функционально-смысловой структуре любовных заговоров", И.Чернова "О структуре русских любовных заговоров".

Анализу сибирских заговоров посвящены работы Г.В.Афанасьевой-Медведевой "Знахарство и колдовство в Сибири", "В поисках древней поэзии". Автор статей верно замечает, что изучение заговоров помогает понять "своеобразие мировосприятия сибиряка".

Фундаментального исследования в области изучения заговоров пока нет, поэтому тема данного исследования представляется нам актуальной.

1.2 Жреческое сословие Древней Руси как носители наиболее древней формы заговоров

Интересной промежуточной стадией между волхвами средневековья и ведунами, знахарями и сказителями XIX в. являются севернорусские скоморохи XVI-XVII вв., которых справедливо считают наследниками языческих волхвов.

Этнография дает нам ценнейшие материалы по деревенским знахарям и знахаркам, колдунам и ворожеям, которые лечат людей, заговаривают скотину, насылают порчу или привораживают, определяют злодеев, предсказывают будущее, оберегают от эпидемий, знают свойства трав и помнят десятки архаичных заговоров. Эти материалы о знахарях (которых еще в XVII в. продолжали называть волхвами) возвращают нас на тысячу лет назад и позволяют нам почти во всей полноте представить себе религиозный быт славянской языческой деревни.

В составе племенной знати должны были быть люди, разработывавшие и совершенствовавшие систему обрядов, знавшие (или создававшие вновь) тексты молитв и песнопений, мелодии напевов, формулы обращения к богам. Вековая традиция неизбежно должна была переплетаться с творчеством и расширением репертуара. Жрецы были неотъемлемой частью любого первобытного общества и, чем больше усложнялась его социальная структура, чем ближе оно было к верхней грани доклассовой первобытности, тем яснее и многообразнее выступала роль общеплеменных жрецов, жриц и князей, выполнявших часть жреческих функций.

Волхвы, знающие заклятия от засухи, производящие точные расчеты оптимальных сроков дождей, рассматривались народом как особые существа, умеющие превращаться в волков, повелевать облаками и даже устраивать затмение луны или солнца: "Облакогонештеи от селян влъкодлаци (вурдалаки) нарицаются: егда убо погыбнет луна или слънце -- глаголють: влъкодлаци луну изъедоша или слънце".

Магическим действиям волхвов-волшебников приписывалось влияние на все силы природы, обеспечивающие урожай. Серапион Владимирский писал, упрекая свою паству: "От ких писаний се слышасте, яко волхвованиемъ глади бывають на земле и паки волхвованиемъ жита умножаются?"

Чародейство -- магические действия с водой и различными отварами из трав, требующие специального сосуда -- "чары". Известны заздравные круговые чары, рассчитанные на сотню участников пира

К облакогонителям и чаровникам иногда присоединяют еще и "кобников", "нарочитых кобников". "Кобь" -- гадания о судьбе (eimartene), гадание по полету птиц ("чары деяху и коби зряху") 7. Возможно, что гадательный обряд сопровождался какими-то действиями, может быть, ритуальными танцами, так как современный глагол "кобениться" связан с необычными телодвижениями.

Большой интерес в связи с археологическими материалами представляет значение слова "хранилышки", поставленное в один ряд с чаровниками и волшебниками. Этим словом переведено греческое "изготовитель талисманов" 8. Следовательно, в разряд языческих волхвов наряду с "волшебниками", влиявшими на природу, включались и те мастера оберегов и амулетов, с продукцией которых мы хорошо знакомы по археологическим находкам.

Все виды работ с металлом в древности были связаны со множеством обрядов, поверий и представлений, перераставших в мифы. Общеизвестна связь кузнецов с образом волка ("волкодлаки"?).

Если пытаться воспроизвести состав жреческого сословия древних славян, то, кроме универсальных волхвов, - "облакогонителей", руководителей языческих обрядов и жертвоприношений, мы непременно должны включить в общий перечень волшебников также и кузнецов, изготавливавших не только орудия труда и оружие (что уже придавало им значительный вес), но и "женскую кузнь", "кузнь многоценную", проявляя "хытрость" и "художество кузньчско".

От древнего глагола "ковать", изготавливать нечто из металла, происходит слово "коварство", которое нами употребляется только в переносном смысле, а в свое время означало: мудрость, умение, замысловатость (греческие соответствия: rapourgos -- мудрый; mehanikoі -- умелые). "Корень премудрости, кому открылся, и коварство (премудрости), кто уразуме".

Как увидим далее в разделе о языческих элементах в прикладном искусстве христианской Руси XI -- XIII вв., эти "коварные" златокузнецы в совершенстве знали языческую символику и широко применяли свои знания как для изготовления деревенских амулетов и украшений с оберегами, так и для "гривной утвари" самых знатных женщин страны вплоть до великих княгинь.

Помимо волхвов, колдовскими действиями занимались и женщины ведуньи-ведьмы, "чаровницы", "обавницы", "потворницы", "наузницы". Существовал и женский род от слова волхв -- "вълхва".

По всей вероятности, общественные магические действия производили мужчины-волхвы, а в семейном, домашнем обиходе, в вопросах гадания о личной судьбе, в лекарском знахарстве видная роль принадлежала женщинам, тем ведьмам (от глагола "ведать" -- знать), которых в XVII в. называли "бабами богомерзкими".

В летописи под 1071 г. по поводу волхования сказано: "Паче же женами, бесовская вълшвеня бывають; искони бо бес жену прельсти, си же -- мужа. Тако и в си роды (в нашем поколении) мьного вълхвуютъ жены чародействъмь и отравою и инеми бесовьскими къзньми".

Перечисление различных разрядов специалистов по тем или иным видам предсказаний и заклинаний свидетельствует о многочисленности и многообразии того, что мы условно назвали "жреческим сословием" древней Руси.

Полнее всего религиозная и политическая роль жречества прослеживается у балтийских славян в XI -- XII вв. В особенности интересны свидетельства католических писателей XII в. Саксона Грамматика и Гельмольда, на основании которых А. Гильфердинг говорил даже о теократическом образе правления у лютичей и бодричей. У балтийских славян, пишет Гильфердинг, "жрецы имели значение особого, строго отделенного от народа сословия ... они совершали в святилищах всенародные моления и те гадания, которыми узнавалась воля богов. Они пророчествовали и говорили народу от имени богов ... Они пользовались особенным почетом и богатством,

распоряжались и доходами с поместий, принадлежавших храмам и обильными приношениями поклонников".

Наиболее прославленным у балтийских славян был знаменитый храм Святовита (соответствовавшего русскому Роду) в Арконе на берегу Балтийского моря.

"Земная власть, - продолжает Гильфердинг, -- принадлежавшая Святовиту, находилась, разумеется, в руках жреца. Жрец был настоящим повелителем и властелином райского племени ... Жрец почитается у ран более, чем князь". Языческое духовенство племенного союза Лютичей представляло собой феодализирующуюся верхушку, обладая земельными угодьями, собирая дань ("дары"), облагая пошлинами купцов, присваивая третью часть военной добычи и располагая собственным отборным войском Святовита.

Такую же картину наблюдаем и у соседних племен: у Поморян, у Бодричей и др. Существовала целая иерархия жрецов разных рангов: в каждой жупе, наряду с жупаном существовал жрец; в каждом племени наряду с князем -- жрец всего племени, а наряду с этим, над этой локальной системой, господствовал жрец главного бога целого союза племен (Святовита, Радогоста, Перуна и др.).

Безусловно, прав Г. Ловмянский, говоря, что славянское жречество, как общественная группа, "иерархически организованная, формируется на этапе государственной организации (от которой получает материальную поддержку) ... и управляет религиозной жизнью определенной области".

Управление религиозной жизнью было непростым делом даже на уровне единичного поселка; оно было сложным на уровне племени с общеплеменным святилищем и оно стало весьма усложненным и многообразным на уровне государства, объединившего около полусотни племен. Простой сельский волхв должен был знать и помнить все обряды, заговоры, ритуальные песни, уметь вычислить календарные сроки всех магических действий, знать целебные свойства трав. По сумме знаний он должен был приближаться к современному профессору этнографии с тою лишь разницей, что этнограф должен долго выискивать полузабытые пережитки, а древний колдун, вероятно, получал многое от своих учителей-предшественников. Без непрерывной преемственности поколений нельзя представить себе тысячелетнюю традиционность всех разновидностей восточнославянского фольклора.

В этом отношении интересны календарные расчеты приднепровских славян-антов IV в. н. э. То, что они совпали (и довольно точно!) с многолетними научными наблюдениями русских агрономов XIX -- XX вв., позволяет уверенно говорить о том, что календарь IV в. был тоже основан на длительных наблюдениях, на тщательной фиксации из поколения в поколение связи урожая с той или иной погодой. И все это в свою очередь было пронизано языческим взглядом на вещи. Календарными рубежами были: вегетативные фазы яровых (наиболее древних) хлебов, оптимальные сроки дождей и приуроченные к ним языческие моления -- 2 мая (позднее -- "Борис Хлебник") -- первые ростки; 4 июня -- семик; 24 июня -- "Иван Купала"; 12 июля -- начало подготовки к перунову дню; 20 июля - день Перуна (позднейший ильин день); 7 августа -- конец жатвы (позднейший "Спас" 6 августа).

Выработка таких устойчивых календарных сроков была не только результатом общенародных наблюдений славян-пахарей, но, судя по обозначению этих сроков молений о дожде, особыми языческими празднествами, справлявшимися торжественно и всенародно, наблюдения и обобщение, усреднение их было делом особых специалистов, которыми в условиях первобытности и ранней государственности и являлись волхвы-"облакопрогонители".

Такие же длительные, на протяжении многих десятков поколений, наблюдения велись ведуньями ("ведьмами") над свойствами разнородных трав. Первобытная фармакология, как показывают поздние этнографические исследования, была делом наследственным, и далекие праматери "богомерзких баб" XVII в. и знахарок XIX в. входили в состав того, что можно условно назвать "сословием жрецов". Недаром летописец, повествуя о волхвах 1060-х годов, писал, что "Паче же

женами бесовская вълшвеня бивають. ...Мъного вълхвуютъ жены чародейством и отравою и инеми бесовскими къзньми".

Фармакология XIX в. примерно на две трети состояла из набора лекарственных трав, изученных древними чародейками и через лечебники и "травники" XVI -- XVII вв. ставших достоянием науки.

Организация многодневных общеплеменных "событий", "соборов", собиравших, судя по западнославянским материалам, тысячи участников, безусловно требовала руководства со стороны опытных, знающих сценарий каждого праздника жрецов, которые почти несомненно подразделялись на разряды по степени своего значения. Вероятно, был и верховный жрец (pontifex maximus), были и его помощники (pontifices minores). У позднейших православных епископов и священников должны были быть языческие предшественники.

По всей вероятности, у каждого языческого храма ("храмъ" -от полногласной формы "хоромы", т. е. "круговая постройка", святилище) был свой постоянный жрец и служители, так сказать причт. Мы знаем, например, что в круглом святилище Перуна под Новгородом поддерживался неугасимый огонь; это должны были выполнять какие-то постоянные служители, подобные позднейшим дьячкам, звонарям и церковным сторожам. Круг их обязанностей нам неизвестен, но следует допустить, что они заботились об отборе жертвенных животных, их содержании, собирали и хранили приносимые в святилище дары, оповещали народ о приближении того или иного праздника -- моления, участвовали в самом языческом богослужении, быть может, являлись актерами тех "игрищ", в которых воспроизводились те или иные эпизоды мифов. Такими театрализованными действиями могли быть новогодние и масленичные карнавалы с различными сценами с участием ряженых, танец пробуждающегося медведя (24 марта -- "комоедицы" -- комедия), жертвоприношения Ящеру, похороны Костромы, Морены или Ярилы, одним словом, все то многообразие древних ритуальных игрищ, которые со временем превратились в веселые игры деревенской молодежи и в конце концов выродились в малопонятные для участников детские игры.

Делом языческого "причта" могло быть и изготовление реквизита празднеств (маски, жезлы, ковши с головой ящера и т. п.).

Помимо ежегодных, издавна регламентированных празднеств, возникали и особые случаи, когда требовались знания мудрых волхвов -- например, похороны знатного человека, князя, языческие мероприятия при эпидемии и т. п. Такие княжеские мавзолеи, как Черная Могила или Гульбище, порядок сооружения которых, равно как и всю погребальную церемонию, так подробно описал Ибн-Фадлан на примере погребения знатного руса в 800 км от Чернигова, были сложными комплексами с устойчивым, выработанным ритуалом. Вот эта-то устойчивость и однотипность и говорят о сложившейся обрядности, за соблюдением которой и должны были следить волхвы.

Судя по поучениям против язычества XI -- XIII вв., волхвы, как особая постоянная категория людей, существовали в русских городах и селах и после крещения; к ним обращались за помощью и советом, что и осуждалось церковниками. Впрочем, сила волхвов в глазах народа признавалась даже самими церковниками. Иаков Мних, написавший "Похвалу Владимиру" в XI в., говорил: "Много бо и вольсви чудес сътвориша бесовьским мечтанием...".

Наибольший интерес для нас представляет, однако, не эта повседневная практика волхвов и даже не организация торжественных ежегодных "соборов" у святилищ или похорон в огромных курганах - для понимания уровня развития славянского язычества важнее теологическое творчество волхвов-друидов, те сказания, мифы, "кощюны", ради которых "многы събирающесе к кощюньником".

Только волхвы высшего разряда могли дать указания скульптору-каменотесу на берегах Збруча, как изобразить на каменном столбе всю Вселенную с человечеством на земле (мужчины, женщины, ребенок), с благожелательным божеством подземного мира (Волос -Плутон), с божествами на небе и всему этому многообразному трехъярусному комплексу придать общую,

объединяющую форму живоносного начала (лингама). И судя по сложным космологическим фибулам Среднего Поднепровья, не в IX в., к которому относится збручский Род-Святовит, а много раньше уже существовали волхвы-"хранильники", знавшие, как следует изготавливать нагрудное украшение, чтобы оно отгоняло от его владелицы всякую нечисть (упырей, навий) не одним каким-либо добрым знаком, а тоже символическим изображением всей Вселенной с солнцем-Дажьбогом наверху и Ящером внизу.

Языческая теология не была, очевидно, единообразной и неизменной. На збручской композиции нет Ящера, хотя в землях соседних вислян этот подводно-подземный бог дожил, как мы видели выше, до XV в., а в Новгороде образ этого "поддоного царя" уцелел в былинах о Садке до XIX в. Второй персоной после Рода в этом пантеоне был не Волос, как в формуле присяги в договорах с Византией, а богиня плодородия Макошь.

В эпоху соперничества с христианством, при Святославе и Владимире языческие волхвы создали новый государственный пантеон, главой которого стал не Род, а воинственный Перун, а пантеон 980 г. в целом отражал две новых интересных идеи: во-первых, здесь была создана антитеза христианскому пантеону, а, во-вторых, волхвы постарались воскресить как можно больше архаичных местных божеств, восходящих к скелотскому времени, к эпохе Геродота, писавшего о приднепровских пахарях.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1 Заговорно-заклинательная традиция

Известно, что заговорно-заклинательная традиция, складывающаяся из акционального, реального и вербального компонентов, сохраняет способность значительной внутренней вибрации. Характер варьирования элементов внутри системы, безусловно, изменялся во времени. На современном материале можно проследить основные закономерности его бытования только на период XIX-XX веков.

Географическое положение, исторические, социально-экономические условия развития и жизни Тамбовской области способствовали сохранению здесь устойчивой заговорно-заклинательной традиции.

Заговорно-заклинательная традиция в Тамбовской области предполагает одновременное наличие нескольких вариантов воздействий на объект. Заговоры мы будем рассматривать как комплекс: ритуал + предмет + слово. Полевые наблюдения и анализ собранного материала позволяют предположить, что ритуал и предмет являются первичным и более устойчивым элементом традиционной формы; а слово как бы прикладывается к действию, сопровождая ритуал, и без него не существует, тогда как ритуал может совершаться и без вербальных форм. Среди собранного материала есть 3 описания бессловесных магических действий, идентичных заговорному жанру и имеющих соответствующие аналоги в форме заговоров.

Как всякая знаковая система, заговорный жанр связан с рядом правил и запретов, известных только исполнителям заговоров. По их мнению, несоблюдение традиционных условий уничтожает силу совершаемого или делает невозможным проведение обряда.

Целители, которых в Тамбовской области называют "бабками-знахарками", являются хранителями основ древнейших традиционных правил и запретов. Знахарские методы часто очень похожи в разных уголках земли. Самые старые бабки-знахарки, чаще всего "необразованные люди", не имея больших медицинских знаний, тем не менее, дают хорошие результаты при лечении, а значит, пользуются доверием и спросом среди людей. Речь идет об использовании "духовных" сил, которые применяются в знахарской практике. Этим и объясняется сущностная идентичность знахарских методов. По словам информантов, они делятся своей "духовной энергией" с больным и оказывают ему помощь добровольно и бескорыстно. Они абсолютно верят в то, что можно вылечить больного, как бы плох он ни был. Знахарке нельзя похвалиться тем, что она излечивает, иначе тот, чьим здоровьем она похвалилась, заболеет заново. Также ей нельзя удовлетворять чье-либо любопытство, рассказывать о том, как она исцеляет, при помощи чего и передавать заговоры. Считается, что знахарка, рассказав, отдает часть своей силы, а после этого она не сможет помогать людям.

Для доказательства этого запрета приведем такой пример: в беседе с бабушкой Шкуратовой Александрой Фадеевной из с. Иваново, в доказательство своей силы (духовной энергии), она положила обычные ножницы на грудь возле ключицы и они держались, не падали. Она предложила мне взять ножницы, и я их отняла от тела с трудом. Это можно сравнить с притяжением магнита. А когда наша беседа с ней подходила к концу, она предложила проверить, отдала ли она свою силу. Она несколько раз прикладывала ножницы, но они тут же падали, ни на мгновение не задерживаясь.

Также существуют еще несколько традиций. Знахарки не должны носить черной одежды в дни, когда лечат людей и животных. Так же в эти дни она сама должна быть здорова, если она "недомогает", то лечение переносится.

По словам Александры Фадеевны, знахарки не подают людям руку при приветствии, они здороваются словами, потому что берегут свои пальцы. Считается, что через рукопожатия они отдают свою силу. Если они поранили палец или руку, то они его не лечат, а ждут, когда рана

заживет сама. В это время они так же не лечат больных. За свое лечение они принимают подарки в знак благодарности, а не назначают плату, потому что их цель - спасение и помощь.

Судя по рассказам жителей, таких бабушек-знахарок уважают, пользуются их услугами, одаривают подарками после лечения, чтобы болезнь не вернулась к ним обратно. Колдунов, напротив, боятся, опасаются.

Самым простым и распространенным оберегом от порчи колдунов здесь считается "делание кукиша". Чтобы вас не сглазили в общественных местах, например, в магазине, на работе, на улице или когда на вас кто-то пристально смотрит, нужно сделать левой рукой "кукиш" в кармане или просто незаметно для окружающих. Существует и другой способ оберега от порчи, сглаза: булавку прикалывают головкой вниз на одежду с изнаночной стороны.

Таким образом, на основе вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что заговоры имеют свои устойчивые правила и традиции.

Главная цель заговора, отличающая его от других видов фольклора, - достижение определенного результата, то есть некоторого изменения существующего положения вещей.

Заговоры функционируют в особой ситуации, отличной от других коммуникативных ситуаций. В Тамбовской области, где велись полевые изыскания, русское население называет заговор "молитвой", "наговором" или "приговором", "шептанием" и "заговором". В обследованной области заговоры не поют, не произносят в полный голос, а шепчут. Они могут быть построены в форме молитвы, приказа или требования, угрозы, побуждения, либо пересылки болезни другому человеку, растению, животному. В обследованных деревнях заговоры знают многие взрослые люди.

Почти каждый взрослый человек знает и пользуется несколькими обыденными заговорами: от зубной боли, от чирья, от укуса змеи, от ячменя, от кровотечения и др. Многие женщины знают заговоры, связанные с уходом за скотиной, с оберегом детей и пр. Судя по записям, число известных одному человеку заговоров колебалось от 1 текста до 20, но эту последнюю цифру, конечно, нельзя считать предельной, потому что далеко не все жители охотно и целиком поделились знанием своего "магического репертуара".

Всех знатоков заговоров можно разделить на 2 группы:

- 1) знахари, делающие добро, лечащие людей, скот;
- 2) колдуны, наносящие вред людям и животным.

Знахарей в каждой деревне гораздо больше, чем колдунов. И хотя имена колдунов называли почти в каждом селе, мои контакты с ними были неудачными. Я чаще всего уходила от них с убеждением, что на него возвели напраслину. Молва распространяет ложное мнение признанного колдуном человека по мере того, как часто происходят плохие события. Колдунами оказывались либо одинокие, необщительные люди, либо хорошие знахари трав, кузнецы, мельники и др. Мне удалось записать отдельные тексты заговоров от лиц, считающихся колдунами: Константинова Валентина Степановна из с. Горелое, передала заговоры на разлучение супругов, на присущение мужчины; Кутузов Егор Васильевич из д. Дядино передал заговоры на любовь девушки, на любовь всех людей, тоску напускать. Однако по всем своим признакам они ничем не выделяются из текстов местной традиции. Судя по рассказам жителей, колдуны расстаются со своими знаниями обычно перед смертью и передают их только человеку, выбранному заранее. Но и это мнение не подтвердилось конкретным примером. Отсюда можно сделать вывод, что колдун - скорее вымышленный фольклорный персонаж, нежели реально существующая фигура.

В каждой деревне есть "бабки-знахарки", лечащие от многих болезней. По их словам, непременным условием лечения является строгое соблюдение определенных народной традицией правил:

1) время действия - утро перед восходом солнца, вечер перед заходом солнца, полночь, месяц (молодой, на убыль, ущербный или полнолуние, зависит от содержания заговора), когда на небе зажигаются звезды;

2) место действия: дом, двор, улица, ручей, лес, место под деревом, кустом, поле, перекресток ...;

3) поведение человека: больной после совершения обряда должен возвращаться домой молча, стараясь никого не встретить, а если встретит кого, то ни в коем случае не разговаривать с ним; если он идет не один, должны идти след в след, чтобы болезнь не нашла дорогу назад; дойдя до дому, немедленно войти в него; почти все заговоры и сопровождаемые ими действия повторяются три раза.

Рассмотрим способы "избавления от болезней":

1. Самым действенным способом избавления от болезни считается изгнание ее при помощи заклинаний, в которых есть такие слова: сойди, сними, унеси, заберите, закройте, не отпускайте, отнеси, вынь, скати, иди и др.; прошу помочь: "...пойдите, уроки, призоры, а чистые реки, на быстрые воды..." (от уроков). Знахарка выгоняет болезнь прочь из деревни, в лес, в реку, в землю, на траву, на животное: на труп; где никто не ходит; за 33 замка, за 33 горы, за 33 дороги; "на лешего, на пса лохматого, на кота усатого".

Если произносят формулу устрашения, то в обряде используют колющие и режущие предметы - иглы, нож, ножницы: при лечении коровы иглы считают в обратном порядке; при чтении заговора от 12 болезней, над водой имитируют стрижку ножницами.

2. Передача болезни другому человеку, растению, животному может осуществляться прямым посылом другому своей болезни: "Человек, больной лихорадкой, идет в лес, кланяется осине и, держась за нее, говорит: "Осина, осина, возьми мою трясину, дай мне леготу!" и так 3 раза (заговор от лихорадки).

Передача может происходить через вещь: от сучьего вымени водят съедобным куском по больному месту, говорят слова и отдают этот кусок собаке.

Если в обследованном нами регионе бытуют выше описанные обряды, то в других славянских зонах, например, в Сербии "больной подагрой несет лепешку из кукурузной или пшеничной муки к боярышнику, дотрагивается до него 3 раза больным местом, произнося: у глог улог (название болезни), а у тела отлог. Чтобы избавиться от болезни, человек заключает брачный союз с деревом, лесом".

В Тамбовской области верба, освященная в вербное воскресенье, охраняет дом, хозяев дома и его скотину от плохого человека, от порчи, сглаза. Параллели этому обнаруживаются в других славянских традициях. В частности, в Чехии такая верба охраняет от глазных болезней.

3. В данном регионе еще одним способом избавления от напущенной болезни применяются формулы счета или перечисления. Считают от 1 до 9, либо в обратном порядке, т.е. от 9 до 1.

По словам бабушки Александры Фадеевны из п. Алексеевка, если у коровы молоко испорчено, то нужно кипятить его и бросать в него 9 иголок, считая в обратном порядке. По ее мнению, обратный счет подчеркивает "количественное" убывание болезни, она переходит к тому, кто ее наслал; при этом колдовка, которая испортила корову, чувствует себя очень плохо и приходит к ней в дом. Так бабушка узнает, кто испортил корову, а корова с этого дня перестает болеть и доится нормально.

Иногда счет вплетается в текст заговора и к каждой цифре прибавляется отрицание не- ни-: от заусениц "...ни на первом пальце, ни втором, ни третьем ..." и т. д.

Формула перечисления существует чаще всего в заговорах от уроков, от родимца, от сглаза, от грыжи, когда перечисляются виды этой болезни: от грыжи "...грыжу ветрянку, напушену, жильную, костяную, сосцову, красну, белу, мокру, пуповую, мудовую, от отца грыжу, от матери, всяку бывающую..."; от родимца: "...12 родимцев: пуповой, сердцевой, нутряной, суставной, жильный, костяной, ручной, глазной, ревун, говорун..."; "...урочный, поперечный, мужской, женский, детский и старческий, завидный и постыдный, от костей и от кровей, от судьбины всей..."

4. Следующим способом избавления от болезни является угроза, когда знахарка угрожает болезни: "Не грызи грыжа младенца (имя), я зубами загрызу, я сама проглочу..."

5. Среди собранных заговоров, фигурируют заговоры, в которых содержится просьба, например, забрать больные зубы и отдать здоровые:

...Навстречу мне старая баба.

- Старая ты баба, где твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпавшие...

6. И еще одним из часто встречающихся мотивов заговоров, является заговор, содержащий мотив забадривание:

Ячень, ячень, на тебе кукиш, на кукиш, кобылу купишь. Кобыла сдохнет, ячень засохнет.

Как показывает данный материал, заговоры, бытующие в этом районе, характеризуются рядом тематических формул (групп):

- 1) отгон, или изгнание;
- 2) отсылка, или передача болезни;
- 3) формула счета или перечисления;
- 4) угроза;
- 5) просьба, забрать болезнь;
- 6) забадривание.

На основе рассмотренного материала можно сделать следующие выводы:

1. Заговоры в Тамбовской области достаточно широко распространены и известны.
2. Заговорно-заклинательная традиция этого региона характеризуется рядом правил и запретов.
3. Также заговоры, бытующие в этом районе, отличаются рядом тематических формул.

2.2 Структура заговоров и семантика их образов

Как уже говорилось, заговор мы будем рассматривать как комплекс: действие + предмет + слово.

На начальном этапе развития заговора, как предположил Н.Познанский, действие было важнее слова, то есть магический обряд мог существовать и без заговорной формулы: "Болезнь можно вылечить и без слов". Действительно, как свидетельствуют собранные записи, в настоящее время в обусловленном районе знахари применяют магические обрядовые действия без словесной формулы:

Чтобы вылечить рожу, надо взять мел и красную тряпку. Мел истолочь, положить на тряпку и

приложить к больному месту.

С течением времени, как считал Н.Познанский, слово стало пояснять действие: "Чтобы заговорить ячмень на глазу, надо сделать кукиш, намочить большой палец голодной слюной, потыкать кукишем ячмень и сказать такие слова: "Как голодная слюна во рту сохнет, так и ячмень засохни", повторить слова 3 раза, после каждого раза плюнуть через левое плечо 3 раза". В данном тексте действия, описанные в словесной формуле продолжают исполняться.

Далее в процессе развития слово начинает заменять действие. Обряд становится необязательным элементом в заговоре. За счет отмирания действия в заговоре появляются сравнительные обороты, то есть действия переходят в словесную формулу, а обряд не исполняется, например: "Как у мертвых зубы не болят, так и у раба Божия (имя) зубы не болите..."

Теперь, по мнению исследователя, слово может выступать в качестве носителя свободной магической силы.

Таким образом, определение заговора как "заклинательного комплекса, состоящего из текста, ритуала и предмета", достаточно правомерно и оправдано.

Все предметы (соль, вода, прутья, нож, ножницы, дерево и т.д.), используемые знахарем, являются неотъемлемой частью заговорного ритуала. Эти вещи выполняют определенную функцию: содействие в изгнании болезней.

Наиболее частым и необходимым элементом при действиях знахаря является вода. Такое широкое использование воды объясняется ее значением: вода при акте омовения возвращает человеку его исходную чистоту. "Будучи заговорена она получает чудодейственную силу и способность снимать всякую болезнь". Для этого ею необходимо поить и умывать больного. Иногда к воде присоединяются уголь, соль, хлеб, нож, булавка и другие предметы.

Часто в знахарском искусстве используются угольки, для выявления злого духа.

Заговор от уроков. "В чашку с водой бросить 3 уголька, если они опустятся на дно, то человек действительно изурочен (сглажен), если будут плавать на поверхности, то нет. Если человек сглажен, то на эту воду читают заговор, умывают и поят ею больного".

Встречаются заговоры с применением острых предметов. При лечении ожога водят ножом вокруг ожога и читают слова: "Залей зло жгучее, боли болючие, укроти скорби, не жги, да не боли у раба Божия (имя). Не жги тела белого, ретивого сердца. Отпусти от боли подалее в поле, в чисто поле, широко раздолье, на лес, на траву отдам маяту. Аминь. Аминь. Аминь".

У Г. Попова в его книге "Русская народно-бытовая медицина" описываются приемы лечения с использованием остроконечных предметов, которые он называет "прикалыванием". "Здесь, при посредстве уколов больного места, достигается изгнание болезни". А в нашем районе в заговоре от 12 болезней бабушка состригает ножницами над водой болезни, которые перечисляет.

Соль оберегает жилище от бед и несчастий: "При переезде в новый дом, чтобы хорошо жить в нем, нужно первой запустить кошку, а потом занести хлеб с солью".

Широко используется в знахарской практике дерево (осина, рябина, бузина и т.д.). По словам информантов, на дерево можно "переносить" различные болезни: при лечении чирия используют сучок на полене или на стене, его обводят 3 раза безымянным пальцем, намоченным своей голодной слюной, затем трижды обводят вокруг чирия, произнося слова: "Как голодная слюна во рту сохнет, так и у рабы Божьей (имя) чирий засохни", плюют через левое плечо 3 раза. При лечении лихорадки используют осину.

Известны любовные заговоры с использованием прутьев из веника:

Заговор на присушение мужчины. "Из веника взять прут, положить его на пороге двери, в которую пройдет мужчина. Как только он перешагнет через прут, прут убирается в такое место, где его никто не увидит. Потом его кладут в жарко натопленной бане на пол, приговаривая: "Как сохнет этот прут, так же пускай сохнет по мне раб Божий (имя)".

Немаловажное значение в лечебной практике знахаря имеет порог. Во многих районах России, в частности, в Сибири, существуют всевозможные поверья и приметы, которые приносят несчастье, связанные с порогом: "Не советуют здороваться, вставать", подавать какие-либо предметы через порог; дарить через порог. В Тамбовской области старики не рекомендуют спать ногами к порогу - "вперед ногами" вынесут (умрешь), не советуют они садиться и стоять на пороге - заболеешь. Порог - символическая граница между живым миром и миром мертвых, место, где обитают души умерших. "До XIX века на Украине сохранялся обычай закапывать у порога умерших некрещеными младенцев".

Знахари не рекомендуют переносить через порог заговоренную воду, так как "в заговорном искусстве порог и то пространство, которое находится за его пределами, мыслится как жилище болезней, поэтому считается, что при нарушении этого запрета лечебная вода теряет свою чудодейственную силу.

Итак, предметы играют важную роль в структуре заговора. Вещи, как и действия, отражаются в словесной формуле, то есть в некоторых случаях их наличие необязательно, так как действия с предметом осуществлялись в начале существования обряда, а в последствии сам обряд мог отмирать, а заговорная формула оставалась. Вот так исторически объясняется тот факт, что заговорная формула существует, а обрядовых действий может и не быть. Предметы и бывшие обрядовые действия в ряде случаев запечатлелись в самом тексте заговора:

Господи, благослови! Солнце на запад,

День на исход, сучок на глазу на извод,

Сам пропадет, как цело почернеет.

Ключ и замок словам моим.

В конкретном исполнении этого заговора, как свидетельствует описание исполнителя текста, действия с предметом не выполняются, они перенесены в словесную формулу.

Таким образом, на основе проанализированного материала можно сделать вывод о том, что заговоры содержат в себе интересный сплав разнообразных компонентов.

2.3 Классификация заговоров

Основы научного подхода к изучению заговоров и классификация заговоров, применяемые в настоящее время были заложены Л.Н. Майковым. Все заговоры он классифицировал на: лечебные, любовные, промысловые, хозяйственные и др., с выделением подтипов (например, среди любовных заговоров выделяются присушки и отсушки).

Л.Н. Майков отмечал, что особенно важным является неизменность воспроизведения заговора. В отличие от других фольклорных жанров и обрядов заговор имеет индивидуальный, а не коллективный характер. Уже само по себе введение в текст имярек, (имени конкретного человека) ориентирует заговор на строго индивидуальную ситуацию. При всем разнообразии, заговоры в большинстве случаев состоят из стандартных формул и функционируют в особой ситуации, предполагающей присутствие двух реальных участников (знахарки и больного) и одного "фиктивного" - нечистой силы.

Все заговоры, рассматриваемые нами, имеют достаточно четкую структуру. Вычленяются следующие основные компоненты заговорной формулы:

- 1) молитвенное вступление;
- 2) зачин;
- 3) эпическая часть (описание определенных обрядовых действий, действительных или символических);
- 4) лирическая часть - то есть выражение желания, приказа или просьбы;
- 5) закрепка;
- 6) зааминивание.

Заговор от 12 болезней.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!

В чистом поле стоит церковь,

В этой церкви стоит престол,

За престолом сидит Матушка

Пресвятая Богородица.

Она сидит со златым крестом,

Заступает и помогает двенадцати скорби и болезни.

Подойду, помолюсь, поклонюсь.

Как в сетем море крутым берегу, есть Златырь-камень и кукиш-траву, как сгрызаешь и скусываешь всю волосы медны, зубы железны, глаза жемчужны, уши бисерны, так сгрызай и скусывай с рабы Божией (имя) с головы, с мозгу, с горла, с лица, с рук, с ног, с нутра, с белого легка, черного печени, с ретивого сердца, со всего тела белого, щипоты, ломоты, скорби, болезни, уроки, призоры, страхи, переполохи, ветряные переломы, ветры буйны, ветры зуйны, от черной немочи, от родимца, от черного, черемного, от малого ребенка, буланого и сантинова. Двенадцать ангелов снемите, унесите с рабы Божией (имя) с головы, с мозгу, с лица, с горла, с рук, с ног, с нутра, с белого легка, с черного печени, с ретивого сердца, от черной немочи, от родимца, от бабы самокрутки, от двоумужной, от троумужной. Двенадцать ангелов снемите, унесите за 12 гор Саянских, замкните замками елецкими.

Будь мой заговор крепким и лепким,

Крепче камня каленого, востре ножа булитного.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Аминь. Аминь. Аминь.

Выделенные элементы структуры заговора присутствуют в текстах в полном объеме. Заговорные формулы в процессе исторического развития изменялись и теряли свой первоначальный вид.

Молитвенное вступление, в заговорах этого региона, встречается чаще всего в текстах, где заговаривающий обращается к чудесному существу. Возможно, в таком построении заговора отразились еще языческие верования. Среди записанных текстов существует несколько вариантов молитвенных вступлений, но самое распространенное из них: "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!"

В зачине говорится о том, как заговаривающий уходит из дома в определенное место. В заговорах этого района это чаще всего "в чисто поле", "к синему морю", "под восточную сторону", "к океану-морю". Далее следует эпическая часть, в которой происходит встреча со сверхъестественным существом, или с христианскими святыми. В собранных текстах часто обращаются к воде, к Лесному Царю, домовому, щуке, месяцу, утке, деревьям, змее и т.д.; к Матушке Пресвятой Богородице, Господу Иисусу Христу, ангелам, апостолам и святым.

Как считает С.С. Ожегова, если зачины легко и часто поддаются варьированию, то эпическая часть изменяется минимально и вместе с лирической частью являются важнейшим компонентом в структуре заговора.

Нередко в собранных заговорах зачин отсутствует, а текст начинается непосредственно с эпической части, например:

Заговор от колотья

Ездит батюшка Егорий храбрый на белом коне, бьет и закалывает все скорби и болезни, так же передал, велел мне быть и закалывать все скорби и болезни раба Божия (имя). Аминь, Аминь, Аминь.

В лирической части заговоров этого региона содержится просьба об избавлении от болезни; иногда в ней перечисляются либо сами болезни, либо части тела, откуда их нужно изгнать; в конце содержится описание места, куда отсылается болезнь:

Заговор от грыжи

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Сходит Егорий с небес по золотой лестнице, сносить Егорий с небес триста луков золотых, триста стрел золотых, и триста тетив золотых. И стреляет, и отстреливает у раба Божия (имя) уроки, призоры, грыжи, и отдает черному зверю - медведю на хребет: и понеси черный зверь-медведь в темные леса, и затопчи черный зверь-медведь, в зыбучие болота, чтобы век не бывало, ни в день, ни в ночь. Во веки веков. Аминь.

В этом заговоре ярко представлены все выше упомянутые элементы лирической части. В нем место отсыла болезни представлено очень поэтической формулой, но часто встречаются в собранных заговорах и краткие, полузабытые формулы, где место отсыла болезни не упоминается:

Ключевым элементом, как бы замыкающим всю структуру заговора, является закрепка. Закрепки в заговорах Тамбовской области более обязательны и разнообразны, чем молитвенные вступления. Они чаще всего состоят не из одного ключевого слова, а из нескольких и обычно сопровождаются троекратным "зааминиванием". Главной задачей закрепки является усиление действия заговора.

В качестве закрепок в исследуемых заговорах чаще всего используются: а) концовки христианских молитв, но встречаются и б) классические формулы:

а) "...Тем словам во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь". "...Отныне и присно, и во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь". "...Господь со мной. Аминь. Аминь. Аминь";

б) "Замок к небу, ключ в море. Будьте мои слова крепки и лепки. Аминь. Аминь. Аминь". "...Мое слово крепко-лепко, булат крепкий, булат замкну, ключ в море отпущу, из моря не вынесет, на берег не выбросит. Аминь. Аминь. Аминь". "...Язык зол - на замок, а ключ - под порог". "...Будь мой

заговор крепким и лепким, крепче камня каленого, востре ножа булатного. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь". Если "зааминивание", а иногда и закрепи, отсутствуют, то вместо них заговор повторяют 3 раза, на что информанты обращали особое внимание, передавая мне тексты заговоров, например:

Заговор от ячменя

Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, на кукиш кобылу купишь, Кобыла сдохнет, ячмень засохнет.

Этот заговор вместе с обрядовым действием повторяют 3 раза.

Таким образом, исследовав структуру заговоров Тамбовской области, рассмотрев все основные ее элементы, можно сделать следующие выводы:

1. В процессе исторического развития структура заговорных формул этого региона изменялась и теряла свой первоначальный вид.
2. Как показало наблюдение над текстами, благодаря структурной гибкости собранных заговоров можно выделить несколько структурных типов, в каждом из которых используются свои приемы, и каждому из которых присущи определенные свойства. О них мы и поговорим далее.

Довольно большую группу составляют так называемые "эпические" заговоры, то есть произведения, где обязательно имеется эпический элемент: рассказ о каком-нибудь событии или описание какого-нибудь явления.

Заговоры

Заговоры – это один из самых сильных методов работы магов. Заговоры очень разнообразны, они являются мощными инструментами в разрешении разных проблем, таких как защита дома, лечение различных заболеваний, взаимоотношения между людьми, удача, отвод беды, защита от дурного глаза и так далее.

Заговорами пользовались с древних времен, еще до появления официальной медицины и они действительно помогают, так как слово имеет силу.

Из словаря славянской мифологии:

«Заговор — фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения. Заговоры функционируют главным образом в устной форме, однако могут фиксироваться и письменно...

Первые фиксации заговоров и близких текстов на русском языке восходят к эпохе Древней Руси... Многочисленные тексты заговоров сохранились в рукописных сборниках и следственных делах о колдовстве 17 — 18 вв.

Имеются заговоры лечебные (от лихорадки, от сглаза, от зубной боли, от укуса змеи и т. д.), хозяйственные (связанные со скотоводством, разведением скота, земледелием и т. д.), любовные (присушки и отсушки), промысловые (пастушеские, пчеловодческие, охотничьи и т. д.), ситуативные (при зарытии или поисках клада, при собирании целебных трав, при отправлении в путь и т. д.) и др. Направленность заговоров может быть “позитивной” (призванные вылечить человека, обеспечить ему успех, оградить от внешних посягательств) и “негативной” (злокозненные, призванные нанести урон другому человеку, вызвать у него болезнь, наслать порчу)...

Мифический сюжет заговора разворачивается, как правило, в особом пространстве — в центре мира, на острове среди моря - океана, на камне Алатыре, возле священного дуба. Характерны для заговора обращения к звездам, зорям, деревьям, к природным стихиям, к мифическим существам...

В качестве исполнителя заговора может выступать само лицо, заинтересованное в его успехе, или знахарка, колдун, к которым обращались за помощью. Заговоры от детских болезней произносила или мать ребенка, или баба - повитуха, или специально приглашенная для этого соседка, или знахарка. Несложными заговорами от бородавок, от ушиба, от кровотечения, при встрече с волком и т.п. владел каждый человек.

Произнесение заговора обставлялось как определенный ритуал, причем значимым было, кто и каким образом произносил заговор, а также вся обстановка, в которой это происходило. Как правило, заговоры шептали, не проговаривая отчетливо слова, при этом совершали действия, имеющие символический смысл: крестились, сплевывали, обращались к предметам, упоминаемым в тексте и т.д.

Наиболее удачным временем для исполнения заговоров считалась утренняя или вечерняя заря, а место определялось содержанием самого текста, например, заговоры от детской бессонницы, обращенные к курам произносили у куриного насеста. Многие мотивы заговоров непосредственно отражают определенные обрядовые действия, ср. очерчивание магического круга около того или иного объекта и мотив железной или каменной стены до неба, обрядовые действия с замками и ключами и мотив замыкания заговора и т. д.

Произнесение лечебных заговоров сопровождалось массажем, элементами гипноза, причем больному давали пить «наговоренную» воду другие снадобья, советовали ему соблюдать те или иные правила и запреты».

О ЗАГОВОРАХ

ЗАГОВОРЫ-ЗАКЛИНАНИЯ

Заговорами-заклинаниями называются краткие устные произведения, произносимые в сопровождении особых приемов и действий с целью привлечь к себе благотворное действие сил природы или отвести от себя их вредное действие. Виды заговора - клятвы и присяги - до сих пор в ходу в образованных классах населения.

Заговоры вошли в эпоху анимизма, когда человек представлял себе явления природы, по аналогии с собственной жизнью, как действие живых сверхъестественных существ. Древний человек верил, что на эти существа можно, в целях своего благополучия, оказать, как на живых людей, воздействие жертвами, мольбами и вообще словами. Заговоры очень близки к молитвам, с которыми язычник обращался к богам, предкам-организаторам рода и всего племени. Но между

молитвой и заговором есть существенное различие: молитва есть выражение такого желания, которое бог может удовлетворить и не удовлетворить; заговор - это такое обращение к богам, которое основывается на убеждении в возможности внушить богу то или другое пожелание так, чтобы бог, как загнипнотизированный, не в силах был не выполнить его. Такое убеждение могло сложиться под влиянием двух явлений, родственных друг другу:

*

древний человек мог наблюдать, как рядовой член рода, в силу тех или других условий (напр., своего жизненного опыта), влияет своим словом на действия властного патриарха в желательном ему направлении;

*

древний человек наблюдал, как один человек, одаренный особой психической силой, может при помощи внушения заставить против воли исполнять его желание. Эти два факта породили в древнем человеке убеждение в возможности при помощи слова заставить силы природы действовать в его интересах.

(...) Особенно важную роль заговоры играли в хозяйственно-промышленной деятельности древнего человека: сюда относятся заговоры, устраняющие затруднения в звероловстве, скотоводстве, пчеловодстве, земледелии и торговле. Целый ряд заговоров относится к явлениям общественной и нравственной жизни, напр., к войне, поединку, суду, любви и т. д. Примеры:

"Ясной зарей оденусь, красным солнцем опояшусь, частыми звездами опотычусь; пойду я , раб (такой-то), в чистое поле, а в том чистом поле лежит бел-горюч камень, стану я раб (такой-то) к востоку лицом, к западу хребтом, на все четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мне, рабу, за охотю ходити, белых и серых зайцев ловити, куниц и лисиц, и серых волков, дорогих зверей-рысей загоняти и залучати, чтобы бегали по своей степи и по своей тропе безопасно, на сторону не отмятывались и взад не ворочались..."

При сажании роя пчел в улей говорится:

"Не я тебя сажаю: сажают тебя белые звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают (т.е. укрощают)".

- "Гой еси ты, зоря утренняя, и ты, зоря вечерняя! Пади ты на мою рожь, чтоб она росла, как лес высока, как дубы толста".

- "Гой еси, солнце жаркое! Не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой, а жги и пали куколь и полынь-траву".

- "Как падают капли дождя и не пробивают текучей воды, а пропадают в ней, так пусть пули не пробивают меня и коня моего".

- "На море на Океане, на острове на Буяне живут три брата, три ветра - один северный, другой восточный, третий западный. Навейте, нанесите вы, ветры, печаль-сухоту рабе Божьей (такой-то) чтоб она без меня дня не дневала, часа не часовала".

Заговор в наиболее полном виде состоит из пяти частей:

*

вступления, в котором изображается ряд действий, будто бы совершаемых заговаривающим лицом и в древности, вероятно, в самом деле совершавшихся ("встану я, раб (такой-то), благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, браным полотенцем утрюсь... пойду в чистое поле, в твердые заводы, во темные леса, под ясную зорю, под красное солнце, под светлый месяц, под чистые звезды",

*

выражения желания, иногда пространно, иногда кратко ("сними мою зубную боль, унеси боль под облака"),

*

уподобления, или символа, т.е. сравнения желаемого явления с каким-либо явлением в природе ("в печи огонь горит и тлеют дрова, так бы тлело и горело сердце у такого-то"),

*

обращения к стихиям - солнцу, месяцу, звездам, заре, ветрам, огню, грому, дождю, воде - с просьбой о помощи ("месяц, ты, месяц... сойди, месяц, сними мою зубную боль"),

*

замыкания, или закрепление заговора ("замыкаю свои слова замками, бросаю ключи по бел-горюч камень-алатырь; а как у замков смычи крепки, так мои словеса метки", "будьте, мои слова, крепки и лепки, тверже камня, лепче клею и серы, сольчей слою, вострей меча-самосека, крепче булата").

Только немногие заговоры имеют все пять частей; большая часть их обыкновенно состоит из двух частей - второй и третьей (выражение желания и уподобление) или второй и четвертой (выражения желания и обращения к стихии).

Заговоры, возникнув в глубокой языческой древности, подверглись затем историческим влияниям. Поэтому заговоры можно разделить на следующие группы:

*

заговоры чисто языческие и

*

заговоры, подвергшиеся влиянию христианства, или возникшие под влиянием христианства.

Языческие заговоры.

Чисто языческих заговоров не дошло до нашего времени; но о них мы можем судить по сохранившимся в наших летописях клятвам-заклинаниям наших предков-язычников. В договоре Игоря с греками (944 г.) так передается клятва-заклинание дружинников-язычников:

"А елико их не крещено есть, да не имут помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не ушитятся циты своими и да посечены будут мечами своими и от стрел и от иного оружия своего и да будут рабы и в сий век и в будущий".

В договоре Святослава (971 г.) находится такая клятва-заклинание:

"Да имеем клятву от Бога, в него же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога, и да будем золоти (т.е. пусть уподобимся по цвету золоту), яко золото, и своим оружием да изсечены будем".

Заговоры с христианской окраской.

Заговоры, сохранившиеся до сих пор в устах народа, или в очень ранние времена записанные и известные под именем "ложных молитв", представляют уже результат смешения языческих элементов и христианских воззрений. В них наряду с обращением к стихиям или явлениям природы встречаются очень часто обращения к христианским святым, которые считаются защитниками от разных бедствий и болезней и на которых, по-видимому, были перенесены черты языческих божеств. Так, св. Никита, епископ новгородский, считается защитником от пожара и молнии, св. Власий и св. Георгий - покровителями скота, св. Мученик Конон - хранителем детей от оспы, св. Сисиний - защитником от лихорадки, священномученик Антипа от зубной боли, св. Зосима - покровителем пчел и т. д. Многие заговоры или ложные молитвы носят имена этих святых. Вот, напр., заговор от зубной боли:

"Молитва священномученика Антипы от зубной боли. Положить 12 поклонов. Господи помилуй 40 раз и положить челюсть на камень. Говори следующую молитву: Радуйся, стено, и корение ее. Излий, Господи, болезнь от моих челюстей и зубов моих. Да не обрушатся стеною век, Христе

Боже, и даждь помощь, Христе, и здравие, исцеление главе, и челюстем рабу твоему имрек (такому-то) молитвами священномученика Антипы и св. Богородицы и святых безмездных Козьмы и Дамиана и всех святых ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Среди заговоров-ложных молитв есть такие, на содержании которых отразилось влияние апокрифов, а черех апокрифы влияния восточные вообще. В этом отношении очень любопытен заговор против лихорадки ("трясавицы"). Содержание его таково. На берегу моря стоит каменный столп; а в столпе сидит св. Сисиний и видит, что море взволновалось до облаков и из воды выходят на берег "двенадцать баб простоволосых". Это -трясавицы, дочери Ирода, явившиеся для того, чтобы мучить людей. Св. Сисиний молится Богу, чтобы Он избавил от них людей, и Бог посылает ангелов Сихайло и Аноса и четырех евангелистов, которые начинают бить их "дубцами" железными и наносят им по три тысячи ран в день. Трясавицы молят о пощаде, обещая не мучить людей. Ангелы спрашивают у дочерей Ирода их имена. Имена эти - Трясея, Огнея, Ледея, Ломея, Аухнея, Желтея, Глядея и т. д. - оказываются названиями болезненных симптомов лихорадки. О двенадцатой трясавице, Невее, говорится, что она - самая старая между сестрами, что она - "трясавица", которая отсекала голову Иоанну Крестителю, что она - проклятое всех: кого она поймает, тот не может остаться в живых. После перечня имен трясавиц приводится молитва для избавления от лихорадки: "Заклинаю вас с великим апостолом Сисинием и святыми евангелистами Лукою, Марком, Матфеем, Иоанном. Побегите от раба Божия (такого-то) за три дни, за три поприща; а если не побежите от раба Божия (такого-то), и я призову на вас великого апостола Сисиния и святых Сихайло и Аноса и четырех евангелистов Луку, Марка, Матфея, Иоанна и учнут вас мучить, даючи вас по четыре тысячи ран в день". Прочитав молитву, священник должен дать больному воду с креста, в сопровождении следующих слов: "крест, всей вселенной хранитель, всем церквам красота, крест апостолам хвала" и т.д. В конце заговора выражается убеждение, что всякий, выпивший эту воду в верой, "будет здоров и исцелен всегда, ныне и присно и во веки веков".

Этот рассказ находится в связи с одним рассказом, который имеется в греческой и болгарской письменности. Содержание его таково. В Аравии жила женщина, по имени Мелитина. Всякий раз, когда у нее рождался ребенок, его сейчас же после рождения похищало страшное чудовище Гилло. Так у не й было похищено подряд семь детей. Тогда Мелитина скрылась в одну башню, где и родила двух мальчиков-близнецов. Однажды братья Мелитины святые Сисиний и Сисинидор, возвращаясь с военной службы, проходили мимо этой башни. Они решили посетить сестру. Сестра, опасаясь появления Гилло, долго не впускает их, но, наконец, согласилась. Опасения сестры оправдались: Гилло, пролезши в горло лошади, проникает незаметно в башню и похищает детей. Святые Сисиний и Сисинидор обращаются с мольбой к Богу, садятся на крылатых коней и летят на гору Ливанскую. По дороге они расспрашивают о местопребывании Гилло у вербы и терновника; не получив от них ответа, святые проклинают их, и с этого времени верба стала расти криво, а терновник сделался колючим. У оливы святые узнали, что чудовище находится на берегу моря. И действительно, здесь они увидели Гилло. Сисиний и Сисинидор бросаются на него; Гилло превращается в рыбу, а святые - в рыболовов; рыба превращается в ласточку, а святые - в соколов; ласточка превращается в волос царской бороды, Сисиний и Сисинидор просят у царя разрешения вырвать волос. Царь позволяет, и волос превращается в женщину, которые святые принимают бить. Она просит отпустить ее, обещая при этом не трогать людей, если святые выведут на ладони материнское молоко. Святые совершают это чудо. Тогда Гилло сообщает им, что в дом человека, который напишет 12 с половиной имен, оно не сможет проникнуть. В конце рассказа помещена молитва Спасителю, Божьей Матери и святым Сисинию и Сисинодору. Этот рассказ послужил материалом для создания заговора. Превратившись в заговор, рассказ подвергся сокращению и изменениям. 12 с половиной имен Гилло были приняты за имена отдельных лиц и превратились в 12 дочерей Ирода. Башня сестры святых Сисиния и Сисинодора превратилась в каменный столп, в котором живет сам Сисиний и т.д.

История о святых Сисинии и Сисинодоре не была плодом творчества греков: в еврейской кабаллистической литературе есть легенды, напоминающие эту историю. Число 12, играющее в рассказе роль, показывает, что рассказ о Гилло находится в связи в манихейской ересь, возникшей под влиянием иранского дуализма, мифология которого признает существование 12 духов. Существование 12 духов признавалось и некоторыми манихейскими ересями. Манихейские воззрения, в свою очередь, отразились на ереси богомильской, возникшей в Болгарии.

Произведения, носившие отпечаток этой ереси попали к нам. Молитва св. Сисиния у нас прямо приписывается болгарскому попу Иеремии, известному распространителю богомильской ереси и апокрифических сочинений в Болгарии.

Таков длинный путь, установленный наукой для заговора от лихорадки: этот заговор отражает воззрения иранского язычества и христианской легенды.